

Часом ранее

Озеро Обнимающее Луну

— Если запустишь здесь, искры ведь ветки спалят. Второй брат Цюэ, отойди подальше, а то если загорится, истинный человек Чансы опять тебя отругает!

Цзи Сюэвэй аккуратно отвела в сторону свисающую ветку и указала на расстилающуюся впереди гладь озера Обнимающего Луну:

— Вон там просторно. Пойдём, я провожу тебя.

Юэ Тинфан тут же перехватил её за руку:

— Куда собралась? Ты же девица! Если искра упадёт на волосы и спалит их, потом несколько дней реветь будешь. Стой здесь и смотри, а Уцюэ сам всё запустит.

— Не ходите за мной! — отозвался Юй Уцюэ. — Когда полыхнёт фейерверк, самое время зажигать фонари и загадывать желания. Ждите!

Поправив за спиной мешочек цянькунь, юноша вприпрыжку побежал к берегу, чтобы разложить припасы. Цзи Сюэвэй смотрела вслед его статной, стремительной фигуре, и в её взгляде светилась нежность. К щекам прилил густой румянец. К счастью, на землю уже опустились густые сумерки, надёжно укрыв от чужих глаз застенчивые девичьи чувства.

Цзи Сюэвэй была младшей дочерью хозяина Долины целителей, Цзи Цина. Ещё в детстве её отправили учиться во Дворец Небесного Предела. Несмотря на благородное происхождение, она росла бойкой, общительной и лишённой малейшего высокомерия. Быстро сойдясь с Юэ Тинфаном и Юй Уцюэ, они втайне объявили себя названными братьями и сестрой.

Конечно, такой обряд отдавал детской игрой, однако их привязанность друг к другу была самой что ни на есть настоящей, крепкой, как камень.

Ещё давно Уцюэ пообещал названной сестрёнке, что к Празднику середины осени смастерит для неё такие шутихи, каких в столице днём с огнём не сыщешь. Кто же знал, что его внезапно заберут под замок в Парящий дворец? Договор едва не пошёл прахом. Но сегодня, едва выдалась свободная минутка, он наскоро поужинал с бабушкой и дедушкой, после чего сразу же разыскал своих верных друзей.

Бах!

Небо расцвело россыпью ярких искр. В вышине, яростно сражаясь за сияющую жемчужину,

сошлись два огненных дракона. В следующее мгновение они сорвались в тёмную бездну неба, и их сплетающиеся силуэты отразились на зеркальной глади озера.

Бах!

Следом взмыл новый снаряд, явив взору картину «Дракон играет с фениксом». Огненно-красные, точно полуденное солнце, перья феникса озарили бескрайний небосвод, затмевая сияние звёзд, а в ушах зрителей, казалось, раздался протяжный, величественный клёкот птицы.

Заготовленные короба загорались один за другим. В чернильную высь взлетали причудливые священные звери, распускались дивные огненные сады. Юй Уцюэ, будучи превосходным мастером, явно тратил свой талант на безделушки, но восторженные вздохи Цзи Сюэвэй и Юэ Тинфана искупали эти труды. Сам же юноша почти не смотрел на небо.

Ещё при первом залпе ему почудились смутные крики. Он огляделся, но вокруг царила тишина. Нынешним вечером почти все обитатели дворца праздновали на торжественном банкете. Озеро Обнимающее Луну находилось на отшибе, случайных прохожих здесь быть не могло. Скорее всего, грохот разрывающихся снарядов просто оглушил его, вызвав слуховой обман.

Уцюэ потёр ухо и выбросил это из головы.

Однако после очередного залпа до него донеслись отчётливые крики: «Остановись!» и «Помогите!». Юноша насторожился, пытаясь определить, откуда идёт звук, но в непроглядной ночной тьме ничего нельзя было разобрать.

Бах!

Очередная шутиха озарила небосвод картиной «Снежный сад, усыпанный алыми сливами» — скрытый намёк на имена Юэ Тинфана и Цзи Сюэвэй. Друзья заворожённо застыли, любуясь дивным зрелищем, а когда последние искры угасли, они обнаружили, что устроитель этого праздника бесследно исчез.

Юй Уцюэ, воспользовавшись мимолётной вспышкой света, наконец заметил неладное.

— У-ух... Красавица, не спеши, не спеши...

— Ах! Перестань, не надо!

Заметив колыхание в густых зарослях кустарника, Уцюэ направился туда и тут же замер, услышав этот двусмысленный шёпот.

Он невольно помедлил. Стоит ли вмешиваться?

Неужели парочка учеников решила воспользоваться уединением и близостью ночи для тайного свидания? Если он ворвётся туда, то лишь испортит влюблённым всю малину. К тому же все эти томные «не надо» и притворные «помогите» вполне могли оказаться обычными любовными играми — Юэ Тинфан частенько притаскивал фривольные романы, где сцены описывались в точности так же.

Конечно, это нарушало дворцовые правила приличия, но раз никто не резал друг друга, лезть в чужие дела не хотелось.

Мысленно выругавшись от неловкости, Юй Уцюэ собрался тихонько убраться восвояси.

— Отпусти! Пусти меня, придурок, я парень!

— О-о... Парень? Да какой из тебя парень, шельма... Дай-ка погляжу...

Это были голоса двух мужчин! Уцюэ застыл как вкопанный, наострив уши.

— Пошёл к чёрту! Отвали от меня, не смей лапать!

— Покажи... Я должен проверить... Родимое пятно... Ну же...

Тут уж медлить было нельзя. Уцюэ положил ладонь на рукоять меча и бесшумно скользнул вперёд.

Сквозь сплетение ветвей он разглядел копошащиеся на земле силуэты. Оба были облачены в ученические одежды Дворца Небесного Предела. Раз это свои, калечить никого не стоило. Уцюэ, не вынимая меча из ножен, резко обрушил тяжёлую рукоять на спину того, кто навалился сверху.

— Ух! — взвизгнул нападавший от боли и, отскочив в сторону, затаился в густой тени деревьев.

Юй Уцюэ бросился на помощь лежащему на земле и, к своему изумлению, тут же узнал старого знакомого.

— Цинлань?! Живо вставай! Что с твоими глазами?

Растрёпанный У Цинлань лежал пластом, его одеяние было изодрано, а штаны наполовину спущены. Он бессвязно сыпал проклятиями, не в силах пошевелиться. Его зрачки затянуло плотной мутной пеленой — явный признак наведённого морока.

Юй Уцюэ быстро зачитал заклинание очищения разума, рассеивая чары. Очнувшись, Цинлань резко вскинулся и со страху чуть было не влепил своему спасителю пощёчину.

— Это я! — Уцюэ перехватил его тонкое запястье и кивнул в сторону тёмного силуэта. — Кто этот тип? И какого чёрта вы тут устроили?

— Уцюэ?.. Это ты... Слава богу, ты... — Цинлань никак не мог прийти в себя. Дрожащими руками он поспешно затягивал поясной шнур, после чего, набрав в грудь воздуха, яростно завопил в сторону затаившегося врага: — Этот ублюдок принял меня за девку и пытался раздеть! Врежь ему!

Юй Уцюэ лишь безмолвно покачал головой.

Впрочем, нападавшего можно было понять. У Цинлань хоть и родился мужчиной, отличался столь утончённой, почти женственной красотой, что превосходил в изяществе многих девушек. К тому же он обожал наряжаться. Пока другие юноши обходились скромными заколками, этот ухитрялся сооружать на голове сложнейшие причёски с золотыми шпильками и гребнями, тратя на утренний туалет не меньше получаса. В праздники он непременно вплетал в волосы цветы и рисовал на лбу изящную мушку-хуадянь. Неудивительно, что сослепу его приняли за девуцу.

Сам Цинлань происходил из Дворца Погибели Бессмертных, чьи адепты поголовно славились андрогинной внешностью, а его дядя, У Синсюэ, и вовсе превзошёл всех на этом поприще. Но ученики Дворца Небесного Предела давно привыкли к подобным причудам. Кто бы в здравом уме стал нападать на него ради утех?

Поскольку лица незнакомца во тьме было не разглядеть, Уцюэ окликнул его, держа руку на рукояти меча:

— Из какой ты академии? Совсем рассудок потерял — среди ночи приставать к соученикам?!

— С-с-с... — прошипел силуэт из темноты. — Сколько... тебе лет?

Уцюэ недоумённо переглянулся с Цинланем. Дело принимало странный оборот.

— Пятнадцать, — ответил юноша. — А тебе-то что?

— С-с-с... Пятнадцать... Нет. И парень... тоже мимо...

Цинлань придвинулся ближе и испуганно зашептал на ухо другу:

— Он чужой. Я никогда не видел его во дворце. Сначала он подошёл и спросил, сколько мне

лет. Я ответил, что шестнадцать. Тогда он уставился на мой лоб, словно безумный, а в следующую секунду я оцепенел и пальцем пошевелить не мог. Он уволок меня сюда...

— Чужой? Значит, пробрался извне, — нахмурился Уцюэ. — И что он успел сделать?

Цинлань до боли закусил губу, готовый вот-вот разрыдаться. Зная его излишне ранимый нрав, Уцюэ нетерпеливо прикрикнул:

— Да не мямли ты! Оба мужчины, чего стыдиться? Говори скорее! Если он тебя покалечил, надо сначала к лекарю бежать, а уж потом ловить гада.

— Он лапал меня... — едва слышно выдавил Цинлань. — Разглядывал лоб, пальцами стёр мушку, а потом взбесился, крича, что я пустышка. Я не мог пошевелиться, но когда понял, что он принял меня за девицу, попытался объяснить... А он не поверил! Стал стаскивать штаны, чтобы проверить... Я...

По его щекам покатились слёзы.

— Уцюэ, он мне все бёдра до синяков измял! Этого ублюдка нужно кастрировать... то есть поймать! Но умоляю тебя, никому ни слова! Если кто-то узнает, я со стыда сгорю!

— Бёдра измял? — Уцюэ изумился. Он потянулся было приподнять край его одеяния, чтобы оценить масштаб бедствия, но вовремя спохватился. — Гхм... Ладно. Ты уверен, что это просто синяки? Кожу не повредил? Яда никакого не занёс?

— Нет, обошлось без крови, и яда вроде нет, — пробормотал Цинлань.

— Когда я подошёл, ты явно был под действием морока. Понял, что это за техника?

Цинлань в бессильной ярости сжал кулаки:

— Нет. Всё произошло мгновенно. Тело просто перестало подчиняться, словно меня затянули на глубину. Дышать можешь, но звуки доносятся как сквозь толщу воды, и перед глазами всё плывёт. Да, и ещё... он ищет шестнадцатилетнюю девушку. С родимым пятном на лбу, похожим на алую мушку.

Не успел он договорить, как лодыжки обоих юношей обвил что-то ледяное и склизкое. Уцюэ вздрогнул и опустил взгляд: из темноты к ним тянулись извивающиеся плотоядные отростки, похожие на щупальца. Он попытался рвануться, но тело мгновенно сковала неестественная слабость. Теперь он на собственной шкуре ощутил то, о чём говорил Цинлань.

Разом словно оказался заперт в мыльном пузыре: дышать получалось, но звуки смокли, а взору

явилась серая пелена. Силы покинули мышцы, превращая тело в безвольную куклу.

К счастью, Уцюэ всегда держал ухо востро. Едва склизкая тварь коснулась кожи, он успел выхватить и бросить на землю заготовленную марионетку.

Этот тип деревянных кукол не требовал постоянного контроля мастера — в них заранее закладывался заряд духовной энергии для короткой схватки. Едва коснувшись земли, фигурка стремительно увеличилась в размерах и бросилась на скрывающегося во тьме противника. Завязалась яростная потасовка, однако морок с юношей так и не спал.

Незнакомец лениво отбивался от деревянного бойца, явно не желая ввязываться в затяжную драку. Поняв, что дело пахнет жареным, он попытался ускользнуть. Но духовные силы в марионетке уже подходили к концу. Вместо того чтобы продолжать удары, деревянный воин намертво обхватил врага обеими руками.

Раздался глухой хлопок — кукла сработала на самоликвидацию.

Мутная пелена мгновенно спала с глаз.

— Держи гада! — взревел Юй Уцюэ.

Однако противник оказался невероятно изворотлив. Несмотря на то, что державшая его марионетка разлетелась в щепки, сам он не получил ни царапины и бросился наутёк. Уцюэ и Цинлань с криками ринулись в погоню. Беглец передвигался странными, неестественно извивающимися прыжками. Поняв, что преследователи наступают на пятки, он с разбегу проломил бамбуковую ширму купален и скользнул внутрь.

— Уцюэ, стой! Кажется, это женс...

Да какое там «стой»! Обезумевший от погони юноша влетел следом за ним в пролом, даже не расслышав испуганного вопля друга.

Он отчётливо слышал всплеск воды, но когда сам с шумом приземлился в бассейн, беглеца и след простыл. Зато сидевшие в облаках пара ученицы взвизгнули так пронзительно, что у Уцюэ заложило уши.

Стоявший по ту сторону пролома Цинлань обречённо вздохнул и закончил фразу:

—...женские купальни.

Юй Уцюэ пулей развернулся спиной к купающимся девицам. Стоя по пояс в тёплой воде, он растерянно переводил взгляд с разгневанных учениц на испуганное лицо друга, маячившее в

дыре. Воздух содрогался от визга, который быстро перерос в отборную брань. Мало того что упустили лазутчика, так теперь их самих запишут в грязные извращенцы! Накатившая злость требовала выхода, и Уцюэ напустился на несчастного напарника:

— Ты можешь рот побыстрее открывать?! — рявкнул он. — Что, слово «женские» язык обжигает?!

— А ты мне время дал высказаться?! — не остался в долгу Цинлань. — Несся сломя голову! Дворняга за забором и та медленнее бегают!

Они принялись яростно препираться, пытаясь спихнуть вину друг на друга, ведь оправдываться перед разъярёнными девицами было уже бесполезно. Кончилось всё тем, что шумную парочку под конвоем притащили прямо в главный зал, где проходил торжественный банкет.

Пострадавшие ученицы сквозь слёзы, сокрушаясь и заламывая руки, наперебой рассказывали о пережитом позоре. Обвиняемые же стояли с угрюмыми лицами, твердя лишь одно: они гнались за опасным нарушителем. Однако их упрямый, непримиримый вид лишь убеждал окружающих, что оболтусы просто не удосужились придумать мало-мальски правдоподобную ложь.

— Старший брат Юй — человек чести, он никогда бы не опустился до столь гнусного и низкого поступка! — первой на защиту Уцюэ бросилась отважная Цзи Сюэвэй. Сбросив оцепенение перед старейшинами, она громко обратилась к главе дворца: — Мы втроём пришли к озеру Обнимающему Луну. Если бы у брата Юя были дурные намерения, зачем ему звать нас с собой? Прошу главу дворца разобраться в этом деле!

Следом на колени опустился и Юэ Тинфан. Но поскольку названная сестра уже высказала все разумные доводы, ему пришлось зайти с другой стороны:

— Да Уцюэ... он же в делах сердечных полный дуб! Ни черта в девицах не смыслит, у него в башке одни деревяшки да шестерёнки! С чего бы ему сдались чужие омывания?

Такое заступничество вызвало в зале волну смешков и перешёптываний среди гостей.

— Ты ему не нянька, откуда тебе знать, что у него на уме? — насмешливо выкрикнул кто-то из толпы, указывая на Юй Уцюэ. — Если он чист, почему не может ответить на простые вопросы Му Цинцзюня?

— Вот именно! Хотите веры — покажите нам этого таинственного третьего! Му Цинцзюнь, вы ведь уже закончили проверку?

Му Цинцзюнь выступил вперёд и холодно произнёс:

— Все ученики нашей школы на виду. За исключением У Цинланя и Юй Уцюэ, в окрестностях купален никого не было. Гости из других орденов также проверены.

— Но там остались явные следы борьбы! — возразил Юэ Тинфан.

— Ты про кучу щепок на траве? — съязвила одна из пострадавших учениц. — Сдаётся мне, этот прохвост нарочно взорвал свою куклу, чтобы замести следы. В тех обломках нет и следа посторонней духовной энергии. Пусть ответит: что именно он там взрывал?

Юй Уцюэ, по-прежнему стоя на коленях в самом центре зала, сохранял поразительное спокойствие. С самого начала он твердил одно: на У Цинланя напали, он лишь пришёл на выручку, а злоумышленник пользовался странной магией, носил одежду их школы, но был абсолютно незнаком. Проломив стену купальни, он словно растворился в воздухе.

Но девицы в купальне никого третьего не видели. Му Цинцзюнь со своими людьми прочесал каждый уголок — ни следов на воде, ни мокрых отпечатков на дорожках. Кроме груды разлетевшегося дерева, у Уцюэ не имелось ни единого доказательства их схватки с незванным гостем.

Лин Сяо и Лин Лань попытались замолвить слово за младшего соученика, но истинный человек Чансы предостерегающе кашлянул, велел им замолчать и не вмешиваться.

— Прошу всех успокоиться. В этом происшествии немало странностей, и мы разберёмся со всеми по порядку.

Бессмертный Тайбай, Бай Инчи, долгое время хранивший молчание, наконец поднялся со своего места. Окинув залу строгим взглядом, он обратился к обвиняемому:

— Юй Уцюэ, твоё объяснение принято. Однако у меня есть вопросы. Место, где вы запускали фейерверки, находится довольно далеко от купален. Как ты ухитрился услышать о нападении на У Цинланя?

— Я услышал крики Цинланя, — ответил Уцюэ.

— И только его?

— Да.

— И что же он кричал?

Юноша покосился на Цинланя. Тот состроил жалобную мину и отчаянно замигал, умоляя не выдавать его секрет. Уцюэ нехотя буркнул:

— Он звал на помощь.

— У Цинланя, — повернулся Бай Инчи к пострадавшему. — Ты утверждаешь, что в момент призыва о помощи уже был обездвижен чужим заклятием. Твоё зрение было затуманено мороком. Что именно нападавший делал с тобой? Был ли тебе нанесён вред?

Цинланя закусил губу:

— Он... ничего не сделал. И я не ранен.

Бай Инчи перевёл испытующий взгляд с одного ученика на другого. Присутствующие в зале главы кланов переглянулись — скрывать очевидное было глупо. Ответы так и кишели нестыковками, за версту разило недомолвками.

— Если У Цинланя невредим, а на месте предполагаемой стычки нет иных следов, кроме взрыва твоей деревянной игрушки... — беспристрастно продолжил Бай Инчи. — Юй Уцюэ, Му Цинцзюнь подтвердил: на поляне обнаружены остатки исключительно твоей духовной энергии. Твой меч даже не покидал ножен. С чего бы нам верить в нападение?

Дело было дрянь — рассказать правду во всеуслышание он не мог. Слова, которыми Цинланя звал на помощь, действия извращенца и, наконец, багровые синяки на бёдрах бедняги послужили бы неопровержимым доказательством. Но вытащить всё это грязное бельё напоказ перед сотней гостей? Да Цинланя со стыда завтра же в петлю полезет!

К тому же слово нужно держать. Раз обещал молчать, придётся безропотно принять этот удар на себя. Рано или поздно правда всё равно всплывёт наружу.

Опустив голову, Уцюэ твёрдо произнёс:

— Мне нечем оправдаться. Но вины своей я не признаю, ибо чист.

Обстановка накалилась. Поскольку инцидент затронул честь учениц других школ, старейшины и главы кланов не на шутку раздухарились. Одни требовали немедленно бросить Юй Уцюэ и У Цинланя в подземную темницу и высечь плетью, другие призывали к благоразумию, напоминая о безупречной репутации Дворца Небесного Предела, и советовали сначала обыскать горы.

Торжественный банкет окончательно превратился в шумный балаган.

Бай Инчи, закончив допрос, погрузился в раздумья. Как глава школы, он должен был блюсти честь обители и при этом вынести справедливое решение. Поймай они обычного ученика — наказали бы на месте без лишних разговоров, а уж потом разбирались. Но Юй Уцюэ был фигурой особенной.

Бай Инчи скосил глаза в сторону Хэ Бугуя, желая узнать его мнение, однако Бессмертный Тайвэй лишь лениво потягивал вино из кубка, всем видом показывая, что происходящее его мало волнует, и он не прочь посмотреть это представление до конца.

На самом деле на душе у Тайвэя кошки скребли ещё с той секунды, как прозвучало имя нарушителя.

Оставим в стороне вопрос о том, действительно ли этот паршивец шпионил за голыми девицами. Сам факт того, что его приволокли под конвоем в разгар великого праздника, не на шутку раздражал Хэ Бугуя.

В памяти Хэ Бугуя всплыл давешний спор с Сюэ И. Собственная самоуверенность теперь казалась верхом глупости на фоне коленопреклонённого Юй Уцюэ. Кто из них выглядел нелепее — вопрос риторический.

Тайвэю оставалось лишь заливать досаду вином, чарка за чаркой.

Сквозь щели бамбуковой ширмы он задумчиво разглядывал этого непутёвого мальчишку.

Каким бы несносным ни был Уцюэ, опуститься до подглядывания в банях он не мог. Будь это обычный наглец, пристающий к девицам, Хэ Бугуй без раздумий лишил бы его духовных сил. Соверши Уцюэ такое на самом деле, Тайвэй лично прибил бы его на месте. Однако за месяц в Парящем дворце парень, пусть и докучал своей болтовнёй да безрассудством, не проявил тёмных наклонностей. За долгие сотни лет Хэ Бугуй научился читать людей как раскрытую книгу и был уверен: юноша невиновен.

Но раз так, почему Уцюэ покорно сносит напраслину? С его взрывным характером он должен был уже в пух и прах разнести все обвинения, а не отмалчиваться или мямлить что-то невнятное. Его поведение казалось крайне подозрительным.

С одной стороны, прямоту и наплевательское отношение к условностям делали Уцюэ непредсказуемым. С другой — он был попросту бесшабашным дураком: тайно практиковал запретное искусство, беззастенчиво подлизывался, но никогда не трусил и отвечал за свои поступки. Нынешняя скрытность наводила на мысль, что за этим кроется нечто важное. Хэ Бугую не терпелось узнать, какую тайну покрывает этот шельмец.

Пока в зале бушевали споры, виновники торжества уныло переминались с колени на колено.

Цинлань осторожно придвинулся ближе и шёпотом выдавил:

— Уцюэ... Прости меня. Я тебя подставил.

— Ещё бы, — огрызнулся тот, зыркнув на соседа. — Пояс затяни покрепче и рот закрой.

Цинлань кое-как поправил одежду и робко потянул друга за рукав:

— О чём ты думаешь?

Уцюэ тяжело вздохнул:

— Думаю, как теперь перед Бессмертным Тайвэем отдуваться. Перед уходом так уверенно божился, что буду паинькой, а в итоге вляпался по самые уши.

— Думаешь, он запрет тебя на горе до конца дней?

«Заточение — полбеда, — мрачно размышлял Уцюэ. — Но если Хэ Бугуй решит, что его несостоявшийся ученик — обыкновенный похотливый прохвост, то пиши пропало. Прощай, уважение, прощай, надежда на его милость! Все заигрывания коту под хвост, а о пути ученичества можно забыть навсегда!»

Пока они шептались, раздражение Уцюэ росло с каждой секундой. Вдруг в его сознание, точно ледяной клинок, ворвался знакомый, кристально чистый голос:

«Юй Уцюэ, ты лжёшь».

Юноша мгновенно прикусил язык и испуганно заозирался по сторонам.

Лишь сейчас он заметил за спиной главы дворца скрытую бамбуковой занавесью трибуну. Место находилось на одном уровне со стулом Бессмертной Тайцин, Бай Шуцзин. Занимать такую высоту в обители дозволялось лишь одному человеку — самому Хэ Бугую.

Уцюэ словно громом поразило.

Ну за какие грехи Бессмертный Тайвэй, вечно избегавший любых празднеств, решил почтить своим присутствием именно этот вечер?! И надо же было такому случиться, что именно сегодня их обвинили в подглядывании за девицами в бане!

В голове юноши с бешеной скоростью пронеслись сотни мыслей, сложившись в одну простую и ёмкую: «Ну всё, приплыли. Нам хана».

С трудом сглотнув вязкую слюну, Уцюэ уставился на бамбуковую ширму и торопливо заговорил мысленно:

«Бессмертный Тайвэй! Каюсь, я солгал, признаю вину! Но клянусь вам всеми богами — я не совершал ничего постыдного! Просто подробности этого дела слишком щекотливы, чтобы выносить их на публику. Если вы хоть немного верите мне, выслушайте, прошу!»

Хэ Бугуй, услышав этот до боли знакомый, упрямый тон, медленно опустил чарку.

«И что же мешает тебе поведать об этом остальным?»

«Потому что...»

Цинлань слишком дорожил своей репутацией, выдавать его было нельзя. Но поскольку сам Уцюэ обладал кожей толщиной с крепостную стену, он решил принять огонь на себя.

«Потому что этот негодяй пытался меня совратить!»

Хэ Бугуй едва не поперхнулся вином.

«Каким же образом?»

«Принял меня за девицу и давай распускать руки! Облапал с ног до головы!»

Это заявление походило на самый нелепый анекдот в поднебесной, и Хэ Бугуй почувствовал, как к горлу подкатывает волна раздражения.

«Юй Уцюэ, ты и меня за дурака держишь? Смеешь врать в лицо?»

«О мудрейший Тайвэй, вы наверняка и сами всё понимаете! — взмолился юноша. — Чужая честь на кону, я дал слово молчать. Прошу вас, сделайте вид, будто поверили. Считайте, что облапали меня, договорились?»

«Клянусь, всё остальное — чистейшая правда! Я ни в чём больше не обману вас, это была крайняя мера!»

Теперь всё встало на свои места. Достаточно было бросить взгляд на съёжившегося рядом У Цинланя.

Беднягу действительно перепутали с девушкой и бесстыдно облапали — на изодранных одеждах до сих пор виднелись следы борьбы. Его зарёванное лицо и опухшие глаза говорили

сами за себя. Очевидно, он на коленях умолял Уцюэ сохранить этот позор в тайне.

«Хорошо. Сделаем вид, будто жертвой пал ты. Излагай суть».

Уцюэ мысленно перевёл дух и, не меняя позы, принялся подробно расписывать случившееся прямо в сознании наставника. Шум споров в зале отошёл на задний план. Хэ Бугуй медленно пригубил вино, внимательно ловя каждое слово.

«Я полагаю, что напавший вовсе не человек. Скорее всего, это замаскированный демон. Когда нас сковал морок, он коснулся меня, и я уловил едва заметный, но отчётливый запах скверны. Чтобы вырваться, мне пришлось подорвать марионетку. Но этот гад не получил ни царапины, вышиб стену купальни и скрылся под водой. Во дворце сейчас полно посторонних, и я решил не поднимать шум, чтобы не спугнуть тварь. Она одержима поисками и, не найдя желаемого, обязательно вернётся. Вот тогда мы её и сцапаем».

«Кого он ищет?»

«Шестнадцатилетнюю девицу. С алым родимым пятном на лбу, точь-в-точь как мушка-хуадянь».

Хэ Бугуй резко прищурился. Он с глухим стуком опустил кубок на стол.

<http://bllate.org/book/20165/2140029>